

УДК 349.41

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

И. С. ШАХРАЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Анализируются основные признаки земельного правонарушения. Особое внимание уделяется такому признаку земельного правонарушения, как противоправность, а также проблемам разграничения правомерного и противоправного поведения субъектов земельных отношений, в том числе в случаях несовпадения юридической и фактической границы земельного участка. Обоснованы предложения по совершенствованию земельного законодательства Республики Беларусь в части легализации нарушений земельного законодательства, уточнения обязанностей землепользователей по использованию земельных участков и разграничения смежных составов земельных правонарушений.

Ключевые слова: земельные правоотношения; обязанности субъектов земельных правоотношений; земельное правонарушение; противоправность; легализация; самовольное занятие земельного участка (его части).

ON THE ISSUE OF LAND OFFENSE SIGNS

I. S. SHAKHRAI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The main features of land offenses are analysed in the article. Particular attention is paid to such a feature of land offenses as illegality, as well as to the problems of distinguishing between lawful and illegal behaviour of subjects of land relations, including the cases of discrepancy between the legal and actual boundaries of a land plot. Proposals for improving land legislation of the Republic of Belarus in terms of legalisation of land offenses, clarification of the obligations of land users to use land plots and differentiation of related types of land offenses are substantiated.

Keywords: land relations; duties of subjects of land legal relations; land offense; illegality; legalisation; unauthorised occupation of a land plot (part of it).

Введение

Реализация юридической ответственности служит одним из способов обеспечения земельного правопорядка. Она имеет целью охрану земельных правоотношений и обеспечивает действие регулятивных норм

земельного права, а значит, как отмечается теоретиками права, выполняет сопроводительную функцию, гарантируя реализацию норм, на которых основан соответствующий правовой режим [1, с. 70]. В рассматри-

Образец цитирования:

Шахрай ИС. К вопросу о признаках земельного правонарушения. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;3:97–103.
EDN: PIXPLV

For citation:

Shakhray IS. On the issue of land offense signs. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;3:97–103. Russian.
EDN: PIXPLV

Автор:

Ирина Сергеевна Шахрай – доктор юридических наук, доцент; профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Author:

Irina S. Shakhray, doctor of science (law), docent; professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law.
shakhray@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0001-9909-7532>

ваемой сфере фактическим основанием (юридическим фактом), влекущим возникновение юридической ответственности, выступает земельное правонарушение, понятие и признаки которого отражают как сущность общеправовой категории «правонарушение» [2, с. 42], так и специфику субъектно-объектного состава и содержания земельных правоотношений.

Основная часть

В числе основных признаков правонарушения в юридической науке выделяют противоправность, наличие вины, возникновение негативных последствий в виде вреда государству, обществу, отдельным субъектам или угрозы его причинения [4, с. 703; 5, с. 31]. При этом определяющими сущностными характеристиками правонарушения, как отмечают теоретики права, являются общественная вредность, опасность (она называется в качестве значимого объективного признака и главного объективного основания, отграничивающего правомерное от противоправного) и противоправность [6, с. 282].

Сущность правонарушения выявляется в сравнении с его антиподом – правомерным поведением. «О правомерности или неправомерности поведения можно судить на основании того, согласуются ли действия, поступки... с правовыми предписаниями или не согласуются» [4, с. 705–706]. Так, модель поведения субъектов земельных правоотношений определяется нормами земельного законодательства Республики Беларусь, а отступление от его требований будет охватываться понятием земельного правонарушения (при наличии иных признаков и элементов состава правонарушения). Таким образом, с учетом устоявшихся общетеоретических подходов под земельным правонарушением следует понимать виновное противоправное деяние (действие или бездействие), посягающее на земельный правопорядок и нарушающее нормы земельного законодательства. Противоправный характер поведения лица, совершившего земельное правонарушение, позволяет говорить о причинении вреда (его можно понимать в широком смысле как неблагоприятные последствия) публичным или частным интересам участников земельных отношений [7, с. 311–312].

Принимая во внимание разнообразие земельных правоотношений, которые имеют общий объект и являются едиными по своей юридической форме, считаем обоснованной классификацию земельных правонарушений по различным критериям (основным из которых является объект таких правонарушений) с учетом того, какие общественные отношения подвергаются неправомерному воздействию [7, с. 312–313]. Задача земельного законодательства состоит в определении границ правомерного поведения (именно они имеют значение для применения

Несмотря на то, что признакам и сущности правонарушения уделялось достаточное внимание в общей теории права и отраслевых юридических науках, эти проблемы требуют дальнейшего осмысления в свете современных тенденций развития земельного законодательства Республики Беларусь [3], а также практики его применения.

мер ответственности, поскольку составы правонарушений в данной области всегда сформулированы как бланкетные). Следовательно, отсутствие любого из предусмотренных земельным законодательством юридических фактов, при наличии которых допускается осуществление права землепользования, свидетельствует о его противоправности (разрешительный тип правового регулирования, выражаемый формулой «все запрещено, кроме того, что разрешено» [8, с. 12], обусловлен спецификой земельных правоотношений, основанной на публичном значении земли как природного ресурса и составной части окружающей среды).

При этом в ряде случаев возникает проблема разграничения правомерного и противоправного поведения соответствующих субъектов. Эти сложности наиболее характерны для правонарушений, посягающих на порядок надлежащего использования земель, ввиду дилемматического характера данных земельных отношений [9]. Так, определение круга прав и обязанностей землепользователей нередко затруднено в случаях, когда право на земельный участок возникло в период действия иных норм земельного законодательства и продолжается в изменившихся (зачастую неоднократно и существенно) условиях правового регулирования, если в законодательстве отсутствуют четкие специальные оговорки о применении норм «старого» или «нового» законодательства.

Кроме того, обозначенные проблемы нередко возникают ввиду изменения технических возможностей индивидуализации на местности самого объекта землепользования (земельного участка) и развития новых технологий определения его пространственных характеристик (геоинформационные технологии, инженерно-геодезические, аэрокосмические съемки и др.), в результате чего возникают несовпадения юридических и фактических границ земельных участков. Недостаточный учет (в том числе, на уровне правового регулирования) условий и технологий осуществления измерений, их возможной погрешности может влечь смешение правомерного и противоправного поведения землепользователей и, как следствие, необоснованное привлечение к ответственности или, напротив, уход от нее.

Вопрос о разграничении правомерного и противоправного поведения особенно остро стоит в случаях несовпадения юридических и фактических границ

земельных участков. По данным Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь, в 2022–2023 гг. установлено 284 000 подтвержденных фактов использования земельных участков с нарушениями, подпадающими под действие п. 2 ст. 3 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2022 г. № 195-З «Об изменении кодексов» (далее – Закон «Об изменении кодексов»), предусматривающего упрощенный порядок легализации ряда земельных правонарушений¹. Однако расхождение границ земельных участков, отраженных в правоудостоверяющих документах, и границ земельных участков, фактически сложившихся, встречается еще чаще, причем во многих случаях это расхождение обусловлено факторами, не зависящими от самих землепользователей. В их числе можно назвать имевшие место ранее (до цифровизации процесса формирования пространственных данных о земельных участках) недостатки изготовления кадастровых планов предоставляемых земельных участков, неточности установления их границ на местности и др. [10]. Кроме того, пользование земельным участком, формально подпадающее под закрепленные п. 2 ст. 3 Закона «Об изменении кодексов» признаки самовольного занятия части земельного участка (возведение, реконструкция капитального строения, ограждения, благоустройство прилегающей территории с нарушением границы предоставленного земельного участка), может иметь место со стороны добросовестных приобретателей земельных участков. Такая ситуация обусловлена отсутствием законодательно закрепленных требований по сверке юридических и фактических границ земельных участков при заключении сделок, оформлении наследственных прав и в иных случаях перехода прав на земельные участки.

Следует отметить, что названные Законом «Об изменении кодексов» случаи (самовольное занятие земельного участка или его части, несоблюдение целевого назначения предоставленного земельного участка, предоставление земельного участка с нарушением установленного порядка) рассматриваются как противоправное поведение, но при этом закрепляется возможность узаконить право пользования этими участками. Соответствующие решения (о предоставлении земельного участка, в том числе дополнительного, изменении целевого назначения, сохранении права на земельный участок, предоставленный с нарушениями) могут быть приняты исполнительными комитетами при соблюдении совокупности условий, перечисленных в п. 2 ст. 3 Закона «Об изменении кодексов». Как указывается в данном пункте, при их невыполнении, в том числе при необращении заинтересованных лиц до 1 сентября 2025 г.,

решения в отношении самовольного строительства принимаются в соответствии со ст. 223 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК). Помимо отраслевых различий (Закон «Об изменении кодексов» предусматривает механизм узаконения пользования земельными участками, тогда как ГК закрепляет порядок признания права собственности на объекты самовольного строительства), несовпадение закрепленных подходов состоит в определении Законом «Об изменении кодексов» более широкого перечня нарушений и упрощенной процедуры их легализации, что дает возможность юридически оформить права ряда фактических землепользователей.

В контексте применения упомянутых норм о легализации возникает вопрос разграничения случаев, когда имеет место нарушение земельного законодательства со стороны землепользователя (самовольное занятие части земельного участка), и иных случаев несовпадения юридических и фактических границ земельных участков. Это обстоятельство является важным с позиции наличия в земельном законодательстве особого (правомерного) основания приобретения права на земельный участок, владение которым осуществляется в течение длительного времени (ст. 56 Кодекса Республики Беларусь о земле (далее – КоЗ)). Данное основание может применяться в том числе при использовании гражданами земельного участка, граница и (или) размер которого не совпадают с границей и (или) размером, указанными в решении о предоставлении либо в правоудостоверяющем документе. При этом КоЗ в качестве обязательных условий называет добросовестность, открытость, непрерывность владения, а также четко разграничивает случаи, предусмотренные ст. 56, и случаи самовольного занятия земельного участка либо его части (ст. 87).

Пунктом 2 ст. 3 Закона «Об изменении кодексов» выделяется круг правонарушений, которые могут быть легализованы, но не проводится разграничение сферы применения названного пункта и упомянутых статей КоЗ в первую очередь в части такого признака, как противоправность. Как уже отмечалось, подпадающее под упрощенный порядок легализации использование земельного участка или его части с «выходом» за пределы его юридической границы, отраженной в земельно-кадастровой документации и (или) в правоудостоверяющих документах, может осуществляться как правонарушителем, так и добросовестным землепользователем (например, в упомянутых случаях несовпадения юридических и фактических границ земельного участка в силу исторических особенностей формирования пространственных данных, проведенной нормализации

¹Заседание итоговой коллегии состоялось в Государственном комитете по имуществу [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/february/76838/> (дата обращения: 05.09.2024).

границ земельных участков², получения по наследству земельного участка, фактическое пользование которым сложилось в границах, отличающихся от отраженных в правоудостоверяющих документах, и др.).

Частично эти обстоятельства учитываются правоприменительной практикой, что проявляется в непривлечении землепользователей к административной ответственности в случаях, предусмотренных п. 2 ст. 3 Закона «Об изменении кодексов». Однако такие землепользователи обязаны внести в местный бюджет плату за легализацию в размере кадастровой стоимости земельного участка или его части, а если основной земельный участок находится на праве частной собственности или аренды – также плату за предоставление на этих же правах дополнительного земельного участка. Аналогичное требование по внесению платы распространяется и на землепользователей, которым земельные участки были предоставлены с нарушением установленного порядка (при этом соблюдение такого порядка является обязанностью соответствующих государственных органов, а не лица, обратившегося за предоставлением ему земельного участка). Возложение на землепользователей имущественных последствий такой ситуации в виде внесения упомянутых видов платы, по сути, выступает в качестве меры ответственности, что, на наш взгляд, не соответствует принципу социальной справедливости.

Таким образом, необходимо разграничивать следующие случаи:

1) правомерное использование земельных участков, юридические и фактические границы которых не совпадают, включая случаи использования земельных участков, подпадающих под признаки, установленные ст. 56 КоЗ, несовмещения фиксированных и нефиксированных границ земельных участков в рамках предельных значений погрешности³, а также проведения нормализации границ земельных участков;

2) противоправное поведение, которое охватывает в том числе самовольное занятие земельного участка либо его части (оно влечет административную ответственность согласно п. 1 и 2 ст. 16.36 Кодекса

Республики об административных правонарушениях (далее – КоАП) и применение земельно-правовых мер воздействия в порядке, предусмотренном ст. 87 КоЗ), а также случаи, подпадающие под признаки, закрепленные п. 2 ст. 3 Закона «Об изменении кодексов», когда возможно применение упрощенного порядка легализации соответствующих нарушений, а привлечение к административной ответственности не осуществляется в силу сложившихся правоприменительных подходов.

Проведенный анализ показывает, что установление такого признака земельного правонарушения, как противоправность, нередко затруднительно. Данные сложности во многом возникают из-за недостаточного учета законодателем всего спектра причин и ситуаций несовпадения юридических и фактических границ земельных участков.

Еще одна проблема, на которую следует обратить внимание, заключается в сложностях разграничения смежных составов земельных правонарушений. Так, законодательством Республики Беларусь использование земельных участков рассматривается одновременно как право и как обязанность землепользователя. При этом согласно ст. 85 КоЗ землепользователи обязаны использовать земельные участки в соответствии с их целевым назначением и условиями отвода (п. 1.1), а также соблюдать сроки занятия земельных участков, в том числе строительства на них капитальных строений (зданий, сооружений), и иные условия отвода (п. 1.4). В соответствии с п. 1.53 ст. 1 КоЗ, целевое назначение земельного участка представляет собой порядок, условия и ограничения использования земельного участка для конкретных целей. Целевое назначение может быть определено при предоставлении земельного участка, его формировании в целях проведения аукциона, изменении целевого назначения в установленном порядке. В случаях перехода прав на земельные участки на основании сделок сохранение целевого назначения является обязательным условием, что отражается в соответствующих договорах.

Неисполнение перечисленных обязанностей является правонарушением и может повлечь применение различных мер ответственности. Так, ст. 75,

²Нормализация границ земельных участков проводится в соответствии с постановлением Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь от 29 августа 2016 г. № 16 «О некоторых вопросах ведения единого государственного регистра недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» в целях устранения выявленных несоответствий между расположением на местности и отображением на кадастровой карте, публичной кадастровой карте границ зарегистрированных земельных участков, если такие несоответствия превышают пределы допустимых погрешностей. В ходе нормализации юридические границы земельных участков могут быть подвергнуты изменениям, информация о которых вносится в единый государственный регистр недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним, соответствующие данные уточняются на публичной кадастровой карте. При этом землепользователи не участвуют в процедуре нормализации, не уведомляются ни о ее начале, ни о произошедших изменениях юридической границы земельного участка, что является существенным недостатком правового регулирования названного механизма, а также препятствует достижению изначальной цели его применения – обеспечению соответствия расположения границ земельных участков на местности и в кадастровой и иной документации.

³Такие значения предусмотрены п. 13, 30, 42, 45, 50 и другими нормами Инструкции о порядке проведения работ по установлению (восстановлению), изменению границ земельных участков, утвержденной постановлением Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь от 23 декабря 2022 г. № 44 (с изменениями и дополнениями).

77–79 КоЗ устанавливают возможность изъятия земельного участка в случае его использования не по целевому назначению, неиспользования в течение определенного срока (для граждан этот срок составляет один год, для юридических лиц – шесть месяцев со дня государственной регистрации возникновения права на земельный участок или иной срок, установленный решением о предоставлении земельного участка, а впоследствии в зависимости от цели предоставления срок продления составляет один год для ведения сельского хозяйства и два года для несельскохозяйственных целей). Административная ответственность может наступать за неиспользование земельного участка в течение срока, установленного законодательными актами (п. 1 ст. 16.9 КоАП) либо за нецелевое использование предоставленного земельного участка (п. 3 ст. 16.9 КоАП).

Недостаточно четкое закрепление законодательством содержания перечисленных обязанностей землепользователей также зачастую влечет неопределенность такого признака земельного правонарушения, как противоправность. Логично предположить, что неиспользование земельного участка, в том числе неосуществление его занятия, проявляется в отсутствии какой-либо деятельности землепользователя на земельном участке, тогда как использование не по целевому назначению – в реализации не предусмотренных условиями предоставления видов деятельности. Однако данный вывод становится спорным, когда необходимо определить время начала использования земельного участка.

В частности, термин «занятие земельного участка» имеет различное содержание в зависимости от целевого назначения⁴. В результате обязанность соблюдать сроки занятия земельных участков подразумевает необходимость не только приступить к их использованию, но и осуществить определенные соответствующие целевому назначению земельного участка работы, содержание которых на основании норм законодательства нередко сложно выявить. В частности, неопределенным является минимальный объем действий, который должен совершить землепользователь, чтобы выполнить обязанность приступить к занятию земельного участка, предоставленного для строительства, поскольку перечень строительно-монтажных работ в законодательстве отсутствует⁵. Неясно также, какое правонарушение будет иметь место в случаях, когда землепользователь приступил к осуществлению таких работ,

но с отступлением от проектной документации либо без ее разработки (п. 1.14 ст. 1 КоЗ однозначно указывает на необходимость соответствия строительно-монтажных работ проектной документации, разработка которой при этом не является обязательной при применении упрощенного порядка возведения и реконструкции многоквартирных жилых домов, предусмотренного ст. 82 Кодекса Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности и Указом Президента Республики Беларусь от 13 июня 2022 г. № 202 «Об упрощенном порядке возведения и реконструкции объектов строительства»), начал осуществлять земляные работы, но еще не установил конструктивные элементы строения, начал освоение участка путем его озеленения, установки ограждения и т. п.

Препятствием для своевременного выполнения землепользователем рассматриваемой обязанности в случаях разработки проектной документации может стать несоблюдение сроков проектной организацией. В результате земельное правонарушение формально может иметь место и в случае, когда землепользователь не смог приступить к занятию по не зависящим от него причинам. Пункт 6 ст. 85 КоЗ предусматривает возможность продлить сроки выполнения условий отвода земельного участка на основании заявления землепользователя при наличии уважительной причины, препятствующей выполнению условий отвода (болезнь, отсутствие в Республике Беларусь и др.). Период продления указанного срока и уважительность причины определяются исполкомом в каждом конкретном случае. Полагаем, что заключение договора подряда на подготовку проектной документации, условия которого своевременно не выполнены ее разработчиком, должно рассматриваться как уважительная причина для продления сроков занятия земельного участка.

Сказанное свидетельствует, что трактовка выполнения землепользователем обязанности приступить к занятию земельного участка в каждом конкретном случае может различаться ввиду отсутствия четких норм, позволяющих определить перечень действий, которые необходимо осуществить для начала строительства капитального строения (здания, сооружения), основания и период продления срока начала занятия земельного участка, что обуславливает необходимость закрепления соответствующих норм в земельном законодательстве.

⁴Так, если земельный участок предоставлен для строительства, чтобы выполнить обязанность приступить к занятию землепользователь должен начать строительство объекта недвижимого имущества (при этом под началом строительства понимается осуществление строительно-монтажных работ в соответствии с утвержденной проектной документацией, в том числе в отношении нежилых построек на придомовой территории), а в иных случаях – иное освоение земельного участка, а именно осуществление комплекса работ в соответствии с целевым назначением и условиями предоставления земельного участка (п. 1.14 ст. 1 КоЗ).

⁵Такой перечень был закреплен в ТКП 45-1.03-162-2009 (02250) «Технический надзор в строительстве. Порядок проведения», утвержденном приказом Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 7 декабря 2009 г. № 396, однако он отсутствует в принятой на смену названному ТКП Инструкции о порядке осуществления технического надзора за строительством, утвержденной постановлением Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 4 августа 2020 г. № 40.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Выявленные теоретико-прикладные проблемы разграничения правомерного и противоправного поведения субъектов земельных отношений обусловлены недостаточным учетом на уровне земельного законодательства длящегося характера таких отношений, произошедшего изменения условий и технических возможностей индивидуализации на местности земельного участка как объекта права землепользования, а также особенностей содержания права и обязанности осуществлять пользование земельным участком, в том числе начать его занятие.

2. Точечное внимание законодателя к отдельным проявлениям распространенной проблемы несовпадения юридических и фактических границ земельных участков зачастую влечет неопределенность такого признака земельного правонарушения, как противоправность. Эффективное решение указанной проблемы может быть обеспечено лишь при условии комплексного учета всех возможных правоприменительных ситуаций, обусловленных историческими особенностями развития земельного законодательства, технических средств установления границ земельных участков и формирования сведений о них.

3. В целях обеспечения правовой определенности в части обязанностей землепользователей и недопущения смешения их правомерного и противоправного поведения обоснованы следующие рекомендации:

- четко разграничить сферу действия п. 2 ст. 3 Закона «Об изменении кодексов», закрепляющего механизм легализации нарушений земельного законодательства, не только с ГК, но и со ст. 56 и 87 КоЗ;

- закрепить особые правила, исключающие отнесение к земельным правонарушениям случаев

фактического «выхода» за пределы юридической границы земельных участков со стороны их добросовестных приобретателей (которым такие участки перешли в порядке наследования, на основании сделок и по иным причинам) с корректировкой применительно к таким случаям механизма узаконения прав на земельные участки, в том числе с закреплением более длительных сроков, чем установленные п. 2 ст. 3 Закона «Об изменении кодексов»;

- исключить обязанности по внесению платы за легализацию в случаях, когда подпадающее под признаки п. 2 ст. 3 Закона «Об изменении кодексов» использование земельного участка осуществляется лицом, которому такой участок был предоставлен с нарушением установленного порядка со стороны государственных органов;

- согласовать механизм легализации земельных правонарушений с проводимой в Республике Беларусь нормализацией границ земельных участков, общие положения о проведении которой следует закрепить на уровне КоЗ, вписав в систему иных организационных земельно-правовых механизмов и обеспечив надлежащую защиту прав землепользователей;

- уточнить в КоЗ содержание обязанностей землепользователей по использованию земельных участков в соответствии с целевым назначением и условиями их отвода, а также по соблюдению сроков занятия, иных условий отвода земельных участков, включая закрепление перечня действий, свидетельствующих о начале занятия земельного участка;

- закрепить в КоЗ и КоАП более широкую формулировку: «несоблюдение условий отвода и иных условий использования земельного участка» (вместо «нецелевое использование») для четкого разграничения смежных составов правонарушений.

Библиографические ссылки

1. Кузьмин ИА. *Юридическая ответственность: теория и практика*. Москва: Юркомпани; 2022. 188 с.
2. Галиновская ЕА. Институт юридической ответственности как составляющая земельного правопорядка. *Журнал российского права*. 2014;1:41–48. DOI: 10.12737/1813.
3. Шахрай ИС, Шингель НА. Тенденции развития земельного законодательства Республики Беларусь: новый этап. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2023;1:51–58.
4. Марченко МН. *Проблемы теории государства и права*. Москва: Проспект; 2016. 760 с.
5. Витрук НВ. *Общая теория юридической ответственности*. Москва: РАП; 2008. 304 с.
6. Лазарев ВВ, редактор. *Общая теория права и государства*. Москва: Юристъ; 2001. 520 с.
7. Шингель НА, Шахрай ИС. *Природоресурсное право*. Минск: Вышэйшая школа; 2017. 399 с.
8. Волков ГА. Основные начала земельного права. *Экологическое право*. 2022;1:10–16.
9. Шахрай ИС, Шингель НА. Проблемы правового регулирования делящихся земельных отношений в условиях обновления земельного законодательства. В: Карпович НА, редактор. *Право в современном белорусском обществе. Выпуск 18*. Минск: Колорград; 2023. с. 491–499.
10. Шахрай ИС. Формирование пространственных данных природоресурсного содержания в условиях цифровизации: правовой аспект. В: Чуприс ОА, редактор. *Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений. Выпуск 5*. Минск: Колорград; 2023. с. 211–222.

References

1. Kuz'min IA. *Yuridicheskaya otvetstvennost': teoriya i praktika* [Legal liability: theory and practice]. Moscow: Yurkompani; 2022. 188 p. Russian.

2. Galinovskaya EA. [The institute of legal responsibility as a constituent of land legal order]. *Journal of Russian Law*. 2014;1:41–48. Russian. DOI: 10.12737/1813.
3. Shakhray IS, Shingel NA. Trends in the development of land legislation in the Republic of Belarus: a new stage. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2023;1:51–58. Russian.
4. Marchenko MN. *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of the theory of state and law]. Moscow: Prospekt; 2016. 760 p. Russian.
5. Vitruk NV. *Obshchaya teoriya yuridicheskoi otvetstvennosti* [General theory of legal liability]. Moscow: Rossiiskaya akademiya pravosudiya; 2008. 304 p. Russian.
6. Lazarev VV, editor. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General theory of law and the state]. Moscow: Yurist; 2001. 520 p. Russian.
7. Shingel NA, Shakhray IS. *Prirodoresursnoe pravo* [Natural resource law]. Minsk: Vyshnejshaja shkola; 2017. 399 p. Russian.
8. Volkov GA. [The key origins of land law]. *Ekologicheskoe pravo*. 2022;1:10–16. Russian.
9. Shakhray IS, Shingel NA. [Problems of legal regulation of ongoing land relations in the context of land legislation updating]. In: Karpovich NA, editor. *Pravo v sovremennom belorusском obshchestve. Vypusk 18* [Law in modern Belarusian society. Issue 18]. Minsk: Kolorgrad; 2023. p. 491–499. Russian.
10. Shakhray IS. [Formation of spatial data of natural resource content in conditions of digitalisation: legal aspect]. In: Chupris OA, editor. *Dinamika pravoustanovleniya i pravorealizatsii v sfere publichno-pravovykh otnoshenii. Vypusk 5* [Dynamics of legal establishment and legal implementation in the sphere of public legal relations. Issue 5]. Minsk: Kolorgrad; 2023. p. 211–222. Russian.

Статья поступила в редакцию 04.11.2024.
Received by editorial board 04.11.2024.